

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 330.8

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ШЛЕЙФ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
(ЧАСТЬ 1)

*Khubiev K. A.,
Doctor of Economics, Professor,
M.V. Lomonosov Moscow State University*

*Хубиев К. А.,
доктор экономических наук, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: в статье ставится вопрос об ответственности экономической науки за теоретическое и идеологическое сопровождение экономической политики. В период экономических реформ 90-х годов прошлого века политическая экономия была отстранена из образовательного пространства и нормативной функции. Ответственность за экономическую политику перешла на неоклассическую экономическую теорию и прежде всего на ее течение в виде неоинституциональной экономической теории. По истечении тридцати лет радикальных экономических реформ в России стали очевидны ее провальные результаты. Они выразились в длительной стагнации, технологическом отставании, структурных деформациях. Россия безвозвратно потеряла историческое время в технологическом и экономическом развитии. Основное внимание уделено неоинституциональной экономической теории как наиболее нормативно активного потока неоклассики, влияющего на экономическую политику. Ее несостоятельность в претензиях на доминирование в нормативной области доказывается ее «предметным проклятием» за пределами экономической теории. Доказывается, что под все определения институтов кроме норм и правил подпадают технологии, деньги, экономические законы. Институциональная парадигма в объективных экономических законах находит твердое предметное основание, что служит базой комплементарного объединения двух основных течений экономической теории. Соответственно усилятся и функции экономической науки. Объединение усилий и научного аппарата двух течений открывают возможность для системного исследования, о чем в последние годы мечтал родоначальник неоинституциональной теории Р. Коуз.

Ключевые слова: неоклассическая экономическая теория, институты, неоинституциональная экономическая теория, политическая экономия, экономические законы, технологии, транзакционные издержки, чистые издержки обращения.

Предисловие

Важнейшей особенностью экономической науки является ее тесная связь с

жизнью государства и ее граждан. Известно историческое значение особого курса Рузвельта во время Великой

депрессии. Его экономическое обоснование закреплено за Д. М. Кейнсом. И в дальнейшем экономические развитие США сопровождалось состязанием и периодической сменой лидерства кейнсианства и неоклассической экономической теории в их постоянно обновляемых версиях. Гораздо меньшую известность получила роль экономической науки в нашей стране в период угроз и испытаний, куда больших по масштабу и глубине. Мало что известно о том, что в тревожном ноябре 1941 года высшее руководство страны вызывало министра финансов Зверева и слушало его рассказы (лекции) об устройстве финансов в отечественной и мировой экономике. Еще меньше информации об истинных причинах и мотивах открытия экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в декабре 1941 года, когда судьба страны и столицы висела на волоске и у руководства были заботы чрезвычайного характера. Представляется, что эти и иные малоизвестные, но существенно важные факты (перестройка работы Госплана и других учреждений, денежная и ценовая реформа сразу после ВОВ и др.) объясняются ролью экономической науки в жизни общества, особенно в переломных и чрезвычайных ситуациях. Этот исторический фон требует особого взгляда на состояние экономической науки и ее роли в ситуации, которая складывалась в России за последние десятилетия и особенно с конца февраля 2022 года. Наука хотя бы репутационно должна отвечать за сопровождаемую ею политику и особенно реформы с их очевидными результатами. Политическая экономия (ПЭ) была в явочном порядке снята из учебно-образовательной системы, соответственно были заблокированы ее основные функции, особенно нормативная. Ее место в научно-образовательном пространстве заняла неоклассическая экономиче-

ская теория (НКЭТ), а нормативная функция досталась ее течению, получившему название новая институциональная экономическая теория (НИЭТ). Об этом свидетельствует следующее, в частности, мнение экономистов, специализирующихся в этой области: «Следует отметить, что исключительно привнесение элементов институционального анализа в современную экономическую теорию позволило разработать обоснованные стратегии социально-экономического развития общества и дало теоретическую базу для формирования различных стратегий» [14, с.31]¹.

Методологический подход

У экономической теории свой уровень ответственности. Сама экономика напоминает о своем значении в жизни общества в периоды исторических испытаний и переломных ситуаций. Иногда от ее состояния прямо зависит благосостояние государства и нации. В основах ее функционирования лежат объективные экономические законы. К их числу, прежде всего, относится общественное разделение труда, основанное на абсолютных и сравнительных преимуществах. Это закон на все времена. На его основе соткана паутина благосостояния участников экономических отношений. Именно объективные экономические законы являются главными регуляторами выгодного сотрудничества на региональном, национальном и международном уровнях. Позитивная функция науки, как мы попытаемся доказать, зависит от ее отношения к экономическим законам. Нормативная функция науки при отрицании объективных экономических законов лишается фундаментальной основы уместности ее нормативных выводов и рекомендаций. Наша задача состо-

¹ При этом Попов Е. В. ссылается на статью А.Г. Аган-

ит в том, чтобы исследовать природу предмета новой институциональной экономической теории (НИЭТ) и основ ее нормативной функции на примере российской экономики. Опора на экономические законы имеет в нашей позиции фундаментальное методологическое значение. Поддержкой данной позиции мы считаем решение Нобелевского комитета о присуждении премии по экономике в 2021 году за исследования в области причинно-следственных связей, которые революционизируют экономическую науку. Между тем, политическая экономия, с момента ее зарождения, своей главной задачей считала исследования именно этих, причинно-следственных связей, сущностью которых являются экономические законы. Новым вкладом Нобелевских лауреатов является исследование причинно-следственных связей на эмпирическом уровне. Политэкономия охватывает более обширный исторический и социально-экономический пласт жизни и развития общества и ее основной целью является открытие «фундаментальных законов движения».

Описываемое событие в научной жизни имеет прямое отношение к предлагаемому проекту, где рассматривается соотношение новой институциональной экономической теории (НИЭТ) и политической экономии (ПЭ).

Основы неинституциональной экономической теории

Начнем с базового определения института, за которым скрывается природа объекта НИЭТ. Все исследователи сетуют на трудности определения понятия «институт». Специальная литература изобилует определениями от коротких²

² «... это устоявшиеся нормы взаимодействия между экономическими агентами». Е. В. Попов, с. 28; «Институты – это структурные образования, которые ограни-

[14, с. 28, 29] до более обстоятельных³ [2, 11-12, 37]. На основе их анализа можно вывести общее определение: институт – ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также механизмы, обеспечивающие соблюдение правил. Для разных понятий «институт» ключевое значение занимают «правила». На основе аналитического обзора литературы Е. В. Попов заключает: «Таким образом, согласно превалирующему в настоящее время в научном экономическом сообществе пониманию, сущность института сводится к правилам, которые структурируют и организуют взаимоотношения между людьми» [14, с. 90].

Если правило – ключевое понятие в определении институтов, то какова природа и содержание самого правила? Заметим, что если содержание понятия «институт» определяется через содержание понятия «правило», то вопросы о

чивают индивидов и влияют на их поведение». Там же, с. 29

³ Д. Ходжсон отмечает дискуссионность определения понятия «институты» и предлагает свое развернутое определение, на которое можно опереться для дальнейшего анализа. «Лично я определяю институты в основном как *долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуры социальным взаимодействиям*. Короче говоря, институты суть системы социальных правил. Термин «правило» здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации X делать Y. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе институты должны основываться на некоторых общих концепциях – только тогда правила будут действительными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а так же фирмы (равно как и прочие организации) – все это институты. (Джеффри Ходжсон, с. 11-12. Он же приводит определение Т. Веблена «устоявшиеся навыки мышления, общие для большинства людей» с. 37. Ходжсон предлагает определение социальных институтов: «социальная организация, которая посредством традиции, обычая или правовых ограничений формирует долговременные рутинизированные схемы поведения» с. 37

природе институтов наследуются правилами, содержание которых очевидно и призвано дать ответ на фундаментальный вопрос о природе предмета рассматриваемой нами теории. На основе довольно обстоятельного анализа специальной литературы, А. Е. Шаститко, со ссылкой на подход Остера, Герндера и Уолкера, дает следующее определение правила: «...правила – общепринятые и защищенные предписания, которые запрещают или разрешают определённые виды действий одного индивида (или группы людей) при взаимодействии их с другими людьми или группами [18, с. 131].»

Анализ данного и других определений, погружение в предметную область неинституционализма выявляет юридическую природу этих самых правил, которые плавно переходят в юридические права. На это прямо указывает концентрация целого ряда особых терминов: предписание, разрешение, запрет, санкция, наказание и др. Становится очевидным, что неинституционализм вторгается в область юридической науки и в самом исходном пункте навлекает на себя «предметное проклятие». Оно выражается в том, что претендуя быть в составе экономической теории, оперирует в области неэкономических явлений, являющихся предметом других наук. Отсюда вырастают такие разделы, как «Экономический анализ права», «Экономическая теория прав собственности» и др. Прилагательное «экономический» не может изменить природу чужого предмета – существительного «право». Происходит вторжение и в другие предметные области: социологии, образования, здравоохранения, политики, культуры и др. Здесь возникает общий вопрос методологического порядка: является ли вторжение определенной отрасли знания (экономической теории) в сферы других наук достаточным осно-

ванием для претензий называться экономической теорией? Такое гипотетически возможно, если «вторгающееся» знание достигло своего потолка и ему дальше развиваться некуда, тогда оно, распространяет свои достижения в область других наук. Или, если уникальный и эффективный метод распространяется на другие науки, не затрагивая их природу. В данном случае имелись бы черты методологического империализма. Однако это не относится к экономической науке. Во-первых: сама она далеко еще не достигла предела своего развития и испытывает на себе большую критику за нерешенные еще вопросы; во-вторых: в плане методологии сама пребывает в состоянии сциентизма, черпая свою методологию из других наук, прежде всего математики. Правда, есть маргинальная методология. Она универсальна для всех областей человеческой деятельности, где есть затраты ресурсов и их следует оценить, особенно с учетом альтернатив и предельно меняющихся величин. Тогда основанием для претензий называться наукой может быть использование методологии одной науки в рамках предметов других наук. Это некий «паразитизм», без негативного оттенка и отмечаемый самими представителями НИЭТ.

Этот вопрос требует дополнительного изучения с учетом опыта других наук. Р. Коуз, считающийся признанным родоначальником НИЭТ, скептически относился к экономическому империализму на предметной области чужих полей [8, гл. 3]. Даже междисциплинарные исследования должны сосредотачиваться на нерешенных вопросах в своей предметной области. А таких у экономической теории немало. Кроме того, в долгосрочной перспективе трудно конкурировать со специалистами в конкретной области. Взаимодействие и влияние друг на друга разных дисциплин следует учи-

тывать, не покидая предметную область своего исследования.

Но вернемся к основам, к определению. Правила упорядочивают жизнь и общества. Общественная жизнь опутана густой сетью формальных и неформальных правил. Выезжая на автомобиле утром на работу, человек попадает под действие правил дорожного движения, приезжая в офис, он попадает под правила внутреннего распорядка и трудового законодательства и т.д. Эта обширная область попадает под понятие институты и институционализм. А место себе в этой чуждой области наука находит тем, что использует методы неоклассического анализа: предел, замещение, замещение на пределе, теорию игр и др. Не подлежит отрицанию то, что применение одной методологии к предмету других дисциплин дает новое знание. Весь вопрос в том: какова природа этого знания, каковы пределы его распространения и эффективность нормативного использования. Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение для оценки сути, пределов и качества течения, получившего название неоинституционализм.

Несколько забегаая вперед, заметим, что от природы института зависят и нормативные функции применения посвященной ей науки. Если в экономике возникают проблемы разного уровня, для институционализма их решением представляется изменение институтов, то есть правил, а последние не всегда имеют экономическое содержание. Правила поведения людей и их сообществ, упорядоченность форм социального взаимодействия, это далеко не только область формальных (правовых) институтов. Есть и другие пространства другой природы. Это прежде всего экономические законы. Их наличие признает неоклассика, а политическая экономия считает их основной областью и целью

исследований. Они образуют жесткие рамки (правила) эффективного поведения экономических агентов. Их никто не навязывает нормативно, а они действуют неумолимо; за их нарушение не наказывают конкретные лица или органы, но наказание, тем не менее, действует неотвратно. Наказания за нарушения формальных «бумажных» институтов можно избежать по судебной ошибке, доброты пострадавшего, подкупом и т.п.

За нарушение правил в виде экономических законов возмездие неотвратно. Наконец, механизм действия и соблюдения правил такого рода экономичен. Для их создания не требуется законотворческая деятельность парламентов, для механизма их поддержания не требуется работа органов исполнительной власти. Стало быть, особые правила поведения на самом фундаментальном уровне экономической жизни людей и их сообществ располагаются на уровне экономических законов. Возникает вопрос, а почему неоинституционализм не проникает в эту область, проявляя довольно обширный экономический империализм? Напрашивается следующий ответ – это область политической экономии, а с ней шутки непросты. Увлекаясь этим направлением можно дойти до основных вопросов политической экономии, не очень желательных для соответствующего сознания [Маркс, 1973, с 10]⁴. В связи с упоминанием экономических законов для неоинституционализма возникают нелегкие вопросы, которые нельзя обойти, например: является ли

⁴ Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яркие, самые низменные и самые страсти человеческой души – фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символов веры, чем на 1/39 ее дохода. В наши дни сам атеизм представляет собой небольшой грех по сравнению с критикой традиционных отношений собственности [Маркс, 1073, с 10]

свободный рынок результатом действия нерукотворных институтов (законов), или рынок состоит только из формальных и неформальных институтов (правил)? Нам представляется, что уже на уровне базовых определений обнаруживаются проблемы с природой институтов и предметной областью НИЭТ. Над данным направлением с самых первых шагов нависает «предметное проклятие».

Итак: первая область действия правил поведения, за пределами предмета НИЭТ – это экономические законы, но не только.

Вторая область – технологии. Очевидно, что технологии задают правила поведения. Ремесло, мануфактура, конвейер, роботы – задают разные рамки и алгоритм действий людей, связанных с ними. Цифровизация экономики задает новые рамки поведения. Технологии [11] (уровень и характер развития производительных сил) и экономические законы, выражающие область действия экономических отношений, образуют самый фундаментальный уровень правил поведения людей. Отсюда вытекает перспектива логической, предметной и методологической координации и развития институционализма и политической экономии, а так же их взаимодействия.

Третья область – деньги [3]. Деньги – это одно из величайших изобретений, они ставят человеческое поведение в довольно жёсткие рамки своих требований. Теоретической основой этого является концентрация в деньгах сущности всеобщего общественного богатства. Законами его создания и распределения определяются границы и рамки поведения экономических индивидов.

Таким образом, исходя из определения институционализма и строго следуя ему, мы попадаем в область правил поведения на более фундаментальных уровнях экономического бытия.

Трансакционные издержки (ТРАИ).

Казалось бы, включив в предмет своих исследований обозначенные выше направления, НИЭТ вышла бы из пространства «юридического проклятия» своего предмета. Но неоинституционализм не воспользовался такой возможностью и поиск пошел в другом направлении. Спасительным выходом из предметного тупика оказались трансакционные издержки (ТРАИ). Открытие ТРАИ считается самым выдающимся достижением НИЭТ. Им придаётся статус «визитной карточки» новой теории, его предметной «клеточки», «единицы анализа». Но приоритет в обнаружении и научном раскрытии этого, действительно экономического по своей природе явления, незаслуженно приписывается НИЭТ, который на самом деле принадлежит К. Марксу. Он не только открыл, но и описал это явление на базе системной методологии, о чем, как мы покажем ниже, мечтал Р. Коуз. НИЭТ продвинулась дальше Маркса в детализации этого явления. Это немалая заслуга НИЭТ и ее результаты комплексно дополняют Маркса и от синтеза двух подходов экономическая теория только выиграет и получит импульс развития. Важность данной категории в определении предметной области НИЭТ и ее теоретических претензий требует тщательного анализа ее содержания. Методология Маркса основана на его системном подходе, в котором развернута методология воспроизводства общественного капитала, в рамках которой теория ТРАИ получила более содержательное определение в теоретическом и методологическом отношении.

Суть экономики (любой), это воспроизводство жизни путем непрерывного производства и потребления благ индивидами и сообществами. Задача экономической науки – исследовать непрерывный процесс создания благ и их по-

ребления: начало производства, завершение – потребление. Главное звено у Маркса – это производство, основанное на производственных (трансформационных) издержках. В воспроизводственном процессе готовые блага подлежат реализации. Это необходимое звено единого воспроизводственного процесса, как для потребителя, так и для производителя. Для последнего капитал должен высвободиться из натуральной формы в виде товара и обрести ликвидную форму денег, чтобы вновь вернуться в производство и принять форму производительного капитала.

Предприниматель-производитель может взять на себя издержки по превращению капитальной стоимости из «связанной» товарной в «ликвидную» денежную форму. Тогда на него лягут издержки по обеспечению данного метаморфоза. Их принято называть издержками обращения. Тогда будет увеличен его авансированный капитал, что повлияет на общую норму прибыли. Вопрос в том, кто возьмет на себя издержки обращения и причитающуюся в данном случае долю прибыли: промышленный капиталист, или специализирующийся в этой области торговый капитал. Во втором случае это будет особая функциональная форма капитала со специфическими активами. В этом случае специализированный торговый капитал сокращает общественные издержки обращения и доказывает свою уместность в системе воспроизводства общественного (совокупного) капитала.

Какова структура издержек обращения? Маркс разделил их на чистые и дополнительные издержки обращения. Под этим делением имеется теоретическое обоснование. Дополнительные издержки обращения – это продолжение процесса изменения потребительной стоимости и стоимости произведенных благ за пределами непосредственного процесса

производства, т. е. в сфере обращения. Таковыми являются: перевозка, хранение и т.п. Они требуют, чтобы купцом, кроме денежного капитала, авансированного на покупку товаров, был еще авансирован дополнительный капитал на оплату средств обращения. В противном случае эти затраты должен нести производительный капитал. В любом случае – это продолжение процесса воздействия на товар и увеличение его стоимости. В этом суть дополнительных издержек обращения.

Маркс отделяет их от существенно иных – чистых издержек обращения. Их он называет «чисто купеческими издержками». Они не продиктованы необходимостью продолжения процесса производства, создания стоимости и даже сохранения уже созданной стоимости и потребительной стоимости. Их особенность и суть в том, чтобы без какого-либо воздействия на товар, без изменения его стоимости и потребительной стоимости способствовать тому, чтобы товар дошел до потребителя. Или, иными словами, чтобы потребитель получил права на это благо. Это издержки, связанные только со сменой форм стоимости: товарной на денежную или наоборот. Это издержки чистого товарно-денежного метаморфоза без изменения стоимости и потребительной стоимости.

Анализ выделения издержек обращения и в их составе чистых издержек обращения не может быть замутнен тем, что в этот процесс могут быть задействованы специализированные организации, принадлежащие другим предпринимателям. Например, транспортные, рекламные и т.п. С ними могут быть заключены отдельные контракты, либо купец сам должен иметь транспортный парк и проводить рекламную кампанию. Возникает выбор из альтернатив с учетом критериев эффективности на основе разделения труда и специализации про-

изводительного капитала. Этот выбор может распространяться и на производителя, решившего самому продавать произведенные товары.

Выбор определяется относительной доходностью капитала. Если доход, который промышленный капиталист уступил купцу, меньше альтернативного дохода, который промышленный капиталист получит от дополнительного производства за счет высвобожденного денежного капитала, то уступка фазы обращения купцу выгодна промышленнику. Если же претензии купца на прибыль окажутся выше альтернативной доходности промышленного капиталиста, то последний предпочтет сам реализовать свой товар и не станет передавать эту функцию купцу и делиться с ним частью прибыли. Но в этом случае увеличится сумма авансированного капитала для промышленного капиталиста. Возможны варианты соотношения индивидуальной и общей нормы прибыли как для промышленного, так и для торгового капитала, но в данном случае нет особой необходимости подробно разбирать все варианты. Общее движение промышленного капитала в единстве производства и обращения, то есть единстве производительного и торгового капитала будет подчинено логике альтернатив эффективности и конкуренции.

Промышленный капитал будет специализировать ресурсы на производственные цели и издержки, где у него накоплен навык и опыт трансформации ресурсов в блага. Он будет стремиться к концентрации капитала по трансформационным издержкам и качеству производимых благ, уступая функции по реализации товаров более специализированному в этой области торговому капиталу. Поскольку капитал, как правило, испытывает нужду в ликвидности, он не будет отвлекать денежный капитал в ту сферу, где требуются особые навыки и

спецификация активов. Конкурентные преимущества в сфере торговли получают те предприниматели, которые специализируются в этой сфере, накапливают специальные навыки, осваивают особые технологии и специфицируют ресурсы.

В экономической истории капитализма область торговли не возникает вновь, наряду с промышленным капиталом или, тем более, после него. Торговля возникла и развилась раньше промышленного капитала и приняла на себя часть его функций по превращению товара в деньги (обращению). В системе движения совокупного промышленного капитала торговый капитал будет подчинен разделению труда и специализации, основанных на преимуществах (сравнительных и абсолютных). Воспроизводственная теория Маркса открывает широкие возможности для современных исследований в области обращения с учетом разделения труда в этой области, эффективных границ аутсорсинга. Воспроизводственная замкнутость формы хозяйства, охватывающая в единстве производство и потребление, определяет эффективные границы, в рамках которых можно исследовать эффективные альтернативы использования ресурсов, в том числе и на чистые издержки обращения (транзакционные издержки).

Вернемся к издержкам обращения. Выше были рассмотрены дополнительные издержки обращения, суть которых состоит в том, что воздействие на товар происходит как продолжение увеличения стоимости за пределами непосредственного процесса производства за пределами промышленного предприятия.

Чистые издержки обращения (чистые купеческие издержки) связаны исключительно с превращением форм стоимости, товарной в денежную, без влияния на стоимость и потребительную стоимость. Часть из современных ему чистых из-

держек такого рода приводит Маркс: ведение расчетов, бухгалтерского учета, расходы на корреспонденцию ... Список остается открытым. Важно то, что при этом Маркс четко обосновал свою методологию и теорию чистых и дополнительных издержек обращения. Методология покрывает открытый список, но нельзя утверждать обратное. Перечень конкретных видов издержек неисчерпаем, поскольку развивающаяся экономика порождает их беспрестанно. НИЭТ не разделяет чистые и дополнительные издержки обращения. Из издержек обращения только первые охватывают те издержки, которые НИЭТ называет транзакционными издержками. Транзакции, характерные для рыночной экономики, это сделки коммерческого характера. Преимущественно это сделки в сфере торговли в которых преобладают продажа и покупка благ, то есть их обращение. Это издержки по смене форм стоимости (товарной на денежную).

Подытоживая свой подход, Маркс писал: «Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в совокупный процесс производства» [Маркс, 1975, с 317]. Под совокупным процессом производства здесь понимается воспроизводство, охватывающее как процесс производства, так и процесс обращения, взятые в единстве. Для уточнения дальнейшего исследования Маркс ставит задачу выяснить: «...как функционирует купеческий капитал в действительном общественном процессе воспроизводства, взятого в целом» [Маркс, 1975, с 317]. Воспроизводство, взятое в целом, охватывает процесс производства и обращения. В первом создается стоимость и соответственно потребительная стои-

мость. Во втором происходит только реализация стоимости или ее метаморфоз, где субстанция стоимости переходит из товарной в денежную. Издержки, связанные исключительно с этим метаморфозом – есть чистые издержки обращения, которые несколько позже будут названы транзакционными издержками, правда без ссылок на приоритетный источник и его автора. Если наблюдается содержательное единство названных по-разному единых по природе своей издержек, то имеется ли между ними различие? Оно обнаруживается на методологическом и инструментальном уровне.

Методологически Р. Коуз, который ввел описание этой категории в НИЭТ, двигался от сложного (рынок) к простому (транзакция) и их издержкам. Этим объясняется и перечислительный метод раскрытия содержания транзакционных издержек. У такого метода мало перспектив для исчерпывающего результата. Рынок, особенно сфера обращения, интенсивно развиваются и структурно, и технологически, и состав этих издержек множится. Маркс разделяет процесс производства и обращения, определяет специфику отношения второго к первому. Второй уровень – обращение и связанные с ним издержки делятся на два вида: чистые и дополнительные. Вторые сохраняют родовые черты производства, первые существенно отличаются по критерию создания стоимости и воздействия на потребительную стоимость и по функциям воспроизводства капитала (смена форм стоимости, высвобождение ликвидности). Методологически Маркс продвинулся значительно дальше Коуза, поскольку рассмотрел проблему в системном единстве воспроизводственного процесса, о чем, как мы покажем в заключительной части, Коуз только мечтал. Еще одно методологическое замечание. В совокупном процессе воспро-

изводства чистые издержки обращения Маркс считал менее существенными по отношению к трансформационным издержкам и даже по отношению к дополнительным издержкам обращения. Отсюда вопрос об обоснованности претензий отрасли знания, занимающейся не самой существенной областью реальной экономики, на нормативную функцию по отношению к экономической системе. Не чревато ли это асимметрией реальной и идеальной?

Теперь можно сделать некоторые промежуточные выводы

– предмет НИЭТ распространяется за пределы экономики и главным образом область права;

– продуктивность в чужом предметном пространстве обеспечивается расширением пространства применения метрологии и инструментов неоклассики, благодаря их универсальному характеру;

– имея убедительные практические результаты в эмпирической области сделок на уровне экономико-правовых от-

ношений, НИЭТ не может предъявить вклад в экономическую теорию;

– идеи отцов-основателей оказались выхолощенными. На первые позиции вместо социально экономической определённости выдвинуты прагматические идеи прикладного значения;

– НИЭТ последовательно обходит области своего вторжения, которые строго укладываются в суть определений института: экономические законы, технологии, деньги;

– НИЭТ не принадлежит приоритет в открытии и исследовании транзакционных издержек, которым придается значение «визитной карточки» данного направления и преодоления «предметного проклятия».

Эти выводы имеют существенное значение для анализа практической функции НИЭТ. Но предварительно завершим вопрос о достижениях данного направления данной отрасли знания.

Список источников

1. Веблен Торстейн. Теория делового предприятия. Пер. с англ. - М.: Дело 2007. - 288 с.
2. Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. Перевод с английского М.Я. Каждана. Научный редактор перевода В. И. Маевский, академик РАН, доктор экономических наук. - М.: Дело, 2003.
3. Ефимов В. Анти-Аузан: критика одной социальной философии Часть 1. ЕСО [Интернет]. 3 сентябрь 2020 г. [цитируется по 13 ноябрь 2022 г.];50(9):62-89. Режим доступа: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4107>. Ефимов В. Анти-Аузан: критика одной социальной философии Часть 2. ЕСО [Интернет]. 2 октябрь 2020 г. [цитируется по 13 ноябрь 2022 г.];50(10):168-92. Режим доступа: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4133>
4. Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. академика Д. С. Львова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 318 с.
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. Учебник: / Под общей ред. д.э.н. А. А. Аузана. М.: ИНФРА – М, 2005. - 416 с.
6. Институциональный анализ и экономика России. Учебник. Изд. 2-е, проработанное и дополненное. Под редакцией профессора В.Т. Рязанова. М.: Экономика, 2013. - 503 с. и др.
7. Капелюшников Р. Неоинституционализм // Отечественные записки. - 2004. - № 6 (21). Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/6/neoinstituczionalizm.html>

8. Коуз Р. Природа фирмы. Под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы». - М., Дело, 2001. - 360 с.
9. Маркс Карл. Капитал том 3, часть 1. М. - ИПЛ, 1975.
10. Маркс Карл. Капитал том 1. М., ИПЛ, 1973
11. Московский А. И., Филатов И. В. Общая экономическая теория: Вводный курс. Гл. 15. - М.: Кодекс, 2010. - 306 с.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Начала, 1997. - С. 21
13. Оливер И. Уильямсон. Экономические институты капитализма. - СПб., Лениздат, 1996.
14. Попов Е. В. Институты. – Екатеринбург, 2015.
15. Селигмен Б. «Основные течения современной экономической мысли». - М.: Прогресс, 1968. - 494 с.
16. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория институциональных изменений. М.: ТЕИС, 2005. - 542 с.
17. Теория фирмы / Под ред. М. В. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа, 1995. - 554 с.
18. Шаститко А. Е. «Новая институциональная экономическая теория» 4-е издание. - М.: ТЕИС, 2010.
19. Эггертссон Траунин. Экономическое поведение и институты. - М.: Дело, 2001, - 408 с.

ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОВОКАЦИИ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ) ЧАСТЬ 1

УДК 330.101.

МАКАРОВ А. Н.,
Doctor of Economics, Professor,
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan
Federal University

Макаров А. Н.,
д.э.н., профессор,
Набережночелнинский институт
Казанского федерального университета

Аннотация: статья посвящена анализу интеллектуальных провокаций относительно одного из ведущих драйверов глобальных трендов – искусственного интеллекта. Опираясь на соответствие развития технологической революции положениям системной теории и теории циклов Н. Кондратьева, на основе историко-эволюционного и воспроизводственного (политэкономического) подходов показаны концептуальные основы искусственного интеллекта в экономике, проведен анализ этапов технологической революции, нынешних возможностей и угроз массового распространения искусственного интеллекта, а также тенденций его развития. Рассмотрены аргументы сторонников и скептиков искусственного интеллекта, «пося-